

ВОЗМОЖЕН ЛИ ПОСТГУМАНИЗМ?

© 2013

А.А. Пелипенко

Еще несколько десятилетий назад говоря о человечестве «вообще», в виду имели человечество европейское или, по крайней мере, околоевропейское, европеизированное. И потому проблема гуманизма рассматривалась сквозь призму новоевропейской антропоцентрической антропологии. Все, что в иных культурах как-то напоминало гуманизм, соотносили с гуманизмом европейским как нечто либо к нему устремленное, либо наоборот, от него отклоняющееся. Эволюционистская установка XIX века, согласно которой все народы на пути прогресса проходят одни и те же стадии, давно отвергнута и осмеяна. Но она крепко въелась в общественное подсознание в виде набора стойких стереотипов. Один из них — интуитивно-априорное понимание западной цивилизации как наисовершеннейшей и авангардной на все времена, а ее ценностей — как универсальных. Такова природа сознания, в особенности, массового: принимать локальное за глобальное, преходящее — за неизменное и искать навечно данные образцы и формы. Но историческая динамика жестоко наказывает за инфантильную приверженность стихийной метафизике.

Как-то неожиданно выяснилось, что западная цивилизация с присущими ей ценностями — отнюдь не пункт прибытия поезда мировой истории, а вполне конечное, хотя и, несомненно, грандиозное явление. Все более очевидно — пусть пока и не для всех — и то, что весь мир никогда не будет жить по законам западной цивилизации, а западные гуманистические ценности никогда не станут релевантными для иных культур. По всему поэтому современная формулировка кризиса гуманизма — это уже не внутренняя проблема европейского духа, постоянно мечущегося между напыщенным возвеличиванием человека и его столь же напыщенным уничижением и низведением до ранга большого животного (Ницше) или ошибки эволюции (Кестлер)¹. Новое понимание гуманизма требует не просто расширить культурные рамки, но кардинально изменить сложивший-

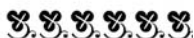

**ПЕРСПЕКТИВЫ
ГУМАНИЗМА**

**Пелипенко
Андрей**

Анатольевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Московского психолого-социального университета. Постоянный автор журнала. E-mail: demoped@yandex.ru

¹ Чередование гуманистического и мизантропического мотивов в европейской культуре — отдельная тема.

ся дискурс. Это, в свою очередь, ставит на повестку дня несколько задач:

- уйти от выработанной новоевропейской метафизикой концепции абстрактного «философского» человека;
- исследовать генезис корпуса западных гуманистических ценностей не как магистральный путь развития человечества, а как локально-исторический феномен;
- проанализировать параметры кризиса современного гуманистического сознания;
- построить возможные модели разрешения означенного кризиса.

Рассмотреть эти вопросы даже вкратце в рамках небольшой статьи невозможно, поэтому ограничусь лишь самыми предварительными замечаниями.

Идея антропологического единства человечества — одна из священных коров современной гуманистической идеологии. Она опирается на идеи либерализма и демократии в их социал-демократической трактовке, хотя генетически восходит еще к античным универсалистским и метафизическим традициям, лежащим в истоках новоевропейской философии: как человек Аристотеля — это, прежде всего, сам Аристотель, так и человек Декарта или Канта — это, соответственно, обобщенно-упрощенные образы их самих. Увы, детская привычка видеть в *другом* свое собственно искаженное отражение присуща не только наивному дорефлексивному сознанию, но и сознанию европейскому, специализированному и как никакое иное способному к самоотстранению. Умозрительный метафизический конструкт абстрактного философского человека кочует со своими «общечеловеческими ценностями» по странам и эпохам в сущностно неизменном виде.

Казалось бы, научные открытия первой половины прошлого века в культурной, социальной и исторической антропологии, в этнографии и исторической психологии близко подвели к тому, чтобы покончить с абстрактным «философским человеком». Но после Второй мировой войны тот получил новые мощные подпорки, не столько, впрочем, научные, сколько идеологические. В связи с этим выскажу первую крамольную мысль: послевоенное осуждение нацизма, закономерное и справедливое, зашло, тем не менее, слишком далеко. И дело не только в том, что вместе с нацизмом был осужден всякий национализм, в том числе, и буржуазный, являвшийся необходимой формой социальной самоидентификации новоевропейского человека. Подверглись опале (именно опале, а не критике и доказательному опровержению) многие идеи и «общие места» науки о человеке и общественной мысли второй половины XIX — начала XX века, возникшие совершенно независимо от нацистской идеологии и задолго до нее. В частности, было наложено жесткое табу и на любого рода стратификацию абстрактного философского человека, «единого и неделимого».

Впрочем, доктрина антропологического равенства человечества имеет под собой и более глубокую гносеологическую основу, нежели стремление преодолеть сословно-феодалные страты, разделаться с нацистскими взглядами или даже присущий западному христианству антропологический максимализм². Дело в том, что любой прорыв к новому эволюционному качеству обязательно предполагает некоторое «выравнивание», нивелировку, упрощение гетерогенной сложности «материнской среды». В нашем случае понадобилось доктринальное выравнивание культурно-антропологических различий и утверждение основанных на этой доктрине социокультурных практик. И то, и другое было необходимой предпосылкой формирования новоевропейского человека и его цивилизации.

Сразу оговорюсь: я не намерен переводить разговор в область расово-генетических различий, хотя современные, впрочем не свернутые по соображениям пресловутой политкорректности, исследования открывают здесь много любопытного.

Я говорю о стратификации по совершенно иному основанию: по типу *ментальной конституции*. Под ней понимается специфический набор когнитивных схем и техник смыслообразования, устойчиво наследуемых историческими этно-культурными сообществами. Вынуждено сворачивая изложение до предельно сжатой тезисной формы, заявляю, что:

■ До сих в истории реализовались две глобальные социокультурные системы: *мифоритуальная и логоцентрическая*; системный кризис современности являет нам переход от логоцентрической системы к новой, еще не получившей названия макросистеме;

■ Каждой из названных систем соответствует свой тип ментальной конституции человека как субъекта исторического действия;

■ Соответственно, в истории представлены три базовых культурно-антропологических типа: *индивид, логоцентрик и личность*³ (далее, чтобы не смешивать выделенные нами культурно-антропологические типы с общеязыковыми значениями соответствующих слов, мы будем писать их курсивом). Современная ситуация перехода порождает и четвертый тип: *постлогоцентрик*, или *носитель Новой естественности*. Это необходимо пояснить.

Мифоритуальная система, уходя корнями в эпоху антропогенеза, к верхнему палеолиту, формирует в основных своих характеристиках базовый тип исторического субъекта — *индивида*. Системообразующим контуром мышления индивида, его, говоря компьютерным языком, операционной системой является *миф*. Поэтому мышление *индивида* в основе своей пралогично (по Л. Леви-Брюлю), пластично, эмоционально, обладает слабой рефлексивностью и почти нечувствительно к логическим противоречиям. Это объясняется тем, что операционные единицы мышления *индивида* представляют собой локальные

² Не следует забывать, что говоря о человечестве, новоевропейская мысль имела в виду прежде всего опять же человечество европейское. До середины XIX века доктрина антропологического равенства на представителей иных рас и народов не распространялась.

³ Поскольку здесь не идёт речь о классификации психотипов, то такая разность оснований классификации для культурно-антропологических типов может быть приемлемой.

мини-целостности, своего рода кластеры, соположенные между собой мифологической ассоциативностью. *Индивид* — существо коллективное со слабо выраженной самостью и максимально зависящее от социальной группы, к которой он экзистенциально причастен в силу культурной традиции (хотя, возможно, причастность эта имеет и более глубокие основания). Ментальность *индивида* — относительно монолитный блок несложных когнитивных и поведенческих программ. Имеется в виду несложность *системная*, тогда как когнитивность, нацеленная на адаптацию/специализацию, может усложняться почти бесконечно. Такого рода усложнение не следует принимать за признак системной эволюции.

По ходу истории ментальность *индивида* присоединяла к своему системообразующему ядру блоки стадially последующих ментальных типов и лишалась изначальной целостности, становясь более эклектичной и менее интегрированной. Такова плата за адаптацию. Наследник архаического *индивида* — это современный носитель обыденного (массового, постфольклорного) сознания. Среди разнообразных свойств ментальности *индивида* сейчас важно выделить его *органическую* неспособность рационализировать свою картину мира: в своей основе та всегда остается мифологичной.

Второй культурно-антропологический тип — *логоцентрик*. Он возникает в осевую эпоху⁴ как ответ на системный кризис мифоритуальной системы. Само название «логоцентрик» — указывает, что корневым качеством новой макрокультурной парадигмы является логоцентризм в его разнообразных региональных модификациях⁵. В отличие от архаического *индивида* и всех его более поздних исторических форм, *логоцентрик* мыслит уже не локальными мир-ячейками, а рационально организованными целостностями. Экзистенциальный ориентир *логоцентрика* — духовный Абсолют, который для средиземноморского культурного ареала соотносим с семантическим рядом: Логос — Творец — Должное⁶. Смысл жизни *логоцентрика* — служение ценностям или инстанциям, в конечном счете восходящим к духовному Абсолюту. На пути к цели — единению с Абсолютом — мышление *логоцентрика* отсекает спонтанные ассоциативные связи мифологического характера и выстраивает строгие иерархические цепи смысловых отношений. В ментальности *логоцентрика* монизм духовного Абсолюта никогда не преодолевает до конца свои дуалистические основания. Оттого сознание его всегда напряжено, тревожно и направлено на борьбу с Иным, чужим, неправильным. Такая агрессивно-манихейская (в широком, разумеется, понимании) установка — неизбывная черта этого культурно-антропологического типа. Речь идет не только о доходящем до паранойи стремлении бороться с мировым злом, но и обо всем строе мышления, золотым веком которого явилось Средневековье. Современный *логоцентрик* и продолжает жить в вечно длящемся

⁴ В наших работах эта эпоха называется эпохой Дуалистической революции и охватывает I тысячелетие до н.э. и I–VII века н.э.

⁵ См. Пелипенко А.А. Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. М.: УРСС. 2010.

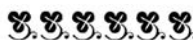
⁶ Для ранних ступеней логоцентрического синтеза в Индии и Китае характерны более синкретичные семантемы: дхарма, дао и нек. др.

Средневековье, взыскуя Истины и метафизического порядка. Ментальность *логоцентрика* двуслойна. К первичному базису присущего *индивиду* мифологического, чувственно-конкретного и по преимуществу правополушарного мышления добавляется новый — преимущественно левополушарный по своей нейрофизиологической природе — уровень. Он обеспечивает устремленность к «удаленным» чисто ноуменальным объектам партиципации (экзистенциального природнения) и «заведует» логико-пропозициональными когнитивными техниками. Примечательно, что зазоры между этими уровнями проявляются в мышлении и поведении столь очевидно, что легко обнаруживаются и без какого-то специального анализа.

Третий культурно-антропологический тип — *личность* — не системный, а переходный. Первые *личности* возникли еще в середине I тыс. до н.э. Но тогда феномен *личности* был точечным и подчинялся мейнстриму восходящего логоцентризма. *Личность* не только осознает логические противоречия, но и переживает их как *внутренние* и разрешимые посредством продуктивного творческого смыслообразования. На протяжении Средневековья *личность* существовала полупатентно, подчиняясь в целом логоцентрическим культурным доминантам, т.е. вольно или невольно принимая парадигму служения.

Но если исламская культура, преобладавшая в Средиземноморье на протяжении нескольких веков, — это самая логоцентрическая из возможных и потому своего рода «отличница исторической эволюции», то западные европейцы в силу ряда обстоятельств оказались «неправильными» логоцентриками. В ходе Ренессанса, Реформации и Просвещения Западная Европа стала ареалом цивилизации *личности* как перехода к следующему системному типу, который активно формируется в настоящее время. *Личность* — наиболее самоактивный и самодостаточный культурно-антропологический тип. Его появление, как, впрочем, и появление логоцентрика, подчинено общеэволюционной логике, направленной на формирование все более сложных и автономных форм. Сложность в данном случае обеспечивается трехслойной ментальной конфигурацией, а автономность — способностью самостоятельно генерировать относительно независимые от внешней социокультурной среды необходимые для развития продуктивные противоречия.

Каждая из трех описанных форм присутствует в ментальности субъекта не в «чистом виде», а лишь в качестве доминанты. При этом в ментальности современного человека наряду с доминантой, как правило, присутствуют субдоминанты двух других типов. Они могут находиться друг с другом в самых разнообразных «силовых» соотношениях, вплоть до близких к паритетным. Например, близкое к равновесию соотношение логоцентрического и личностного типов ментальности часто присуще крупным политикам. Важно, однако, отметить, что развитие субдоминант в течение жизни не может изменить оп-

ределяющего положения доминанты, которое является *врожденным*. Более того, границы между этими культурно-антропологическими типами подобны видовым границам в биологии: никаких устойчиво воспроизводящихся паллиативных форм они при смешении не рожают. Из этого следует, по крайней мере, несколько важных выводов:

■ Названные типы живут в разных исторических темпомирах и исповедуют *несовместимо разные* системы ценностей.

■ Никакой «консенсус» между этими типами невозможен *в принципе*. Более того, противоречия, в том числе и конфликты между ними являются первейшим фактором исторической динамики.

■ В каждом обществе присутствуют все три типа: большинство составляют *постиндивиды*, далее — *логоцентрики* и не более 5–7 % — *личности*. При этом сами общества, в соответствии со своим историческим опытом, могут быть ориентированы на тот или иной тип. Личностно ориентированные общества — это, прежде всего, общества Запада и его культурно-цивилизационной периферии.

■ В обществах, ориентированных не на личностную доминанту, невозможна ни полноценная модернизация, ни рецепция гуманистических, в западном понимании, ценностей.

■ Любые формы социальной гармонии между этими типами всегда паллиативны, относительно и неустойчивы.

В западной цивилизации, ориентированной на личностный тип, большая часть населения, как и во всех других обществах, *личностями* не является. Но способность адаптироваться к навязываемым «правилам игры» не должна вводить в заблуждение. Феномен квази-*личности* как раз и составляет латентную основу многих культурно-цивилизационных коллизий современного Запада и один из компонентов системного кризиса.

Тезис о том, что в истории нет никаких метафизически неизменных ценностей, вроде бы, очевиден. Однако западное сознание пока еще боится прямо поставить главный вопрос: является ли западная социокультурная система финальной целью всего человечества, к которой была устремлена вся его история, а созданные либерально-персоналистской цивилизацией формы: представительная демократия, права человека, всеобщее избирательное право и т.п. — навечно данной системой гармонизации жизни человека в социуме? А без ответа на него всякие рассуждения о принципах и ценностях — пустое сотрясение воздуха.

Боязнь прямо и всерьез ставить этот вопрос и стремление всячески от него увильнуть вполне естественны: всякая культурная система неизменно блокирует осознание своих фундаментальных оснований, внушая человеку разнообразные метафизические иллюзии на ее счет. Но время осознавать пришло. Как пришло время осознать и непосредственно вытекающие из ответа на означенный вопрос выводы. И главный состоит

в том, что свойства, присущие ренессансной и ранней новоевропейской личности, о которых принято говорить исключительно в торжественно-восторженных тонах, будучи доведены на сегодняшний день до крайности, воплотились в тупом, пошлом и бесконечно эгоистичном обывателе-индивидуалисте, которого роднит с личностью лишь выраженное чувство самости⁷.

Система пресловутых «общечеловеческих» ценностей — а на самом деле система ценностей либерального гуманизма — совершенно не способна адекватно отвечать на вызовы кризисной эпохи, требующей решительного пересмотра абстрактно-гуманистических «метанарраций». Следование этим метанаррациям или, точнее говоря, мифологемам усугубляет целый ряд серьезных и глубоких противоречий, принципиально неразрешимых в рамках прежних культурно-антропологических представлений. Среди этих противоречий — бессилие социума перед раздутой самостью отдельного субъекта, который, фактически не являясь личностью, самым широким образом злоупотребляет ее историческими завоеваниями в виде прав, свобод и т.п. Манипулятивные техники, с помощью которых культура как бы неявно держит под контролем эту самую распоясавшуюся самость, все чаще дают сбой и нередко оборачиваются против самой культуры. Так, из абстрактно-гуманистической доктрины прав человека произошло убеждение в правомерности жить за счет другого, что обернулось культивированием иждивенчества, люмпенства и социального паразитизма. Но идея неприменимости личностных критериев, отношений и форм социокультурного поведения к не-личностям по-прежнему отторгается «политкорректным» дискурсом.

Об этом самой пресловутой политкорректности нельзя не сказать несколько слов. Будучи поначалу невинной интеллектуальной модой, политкорректность превратилась в фактор, серьезно препятствующий адекватному пониманию социокультурной реальности. Как уже было сказано, всякая культурная система в истории вырабатывает формы самозащиты от разрушающей ее исторической динамики. Используя арсенал доступных и приемлемых средств, культура блокирует, табуирует и как бы отменяет, выводит из существования всё диссистемное, «неправильное», неудобное. Здесь действует древнейший психологический механизм: если нечто убирается из семантического поля, то тем самым оно как бы убирается и из самой реальности. В данном смысле так называемые интеллектуалы недалеко ушли от первобытных охотников, для которых магическая манипуляция с изображением равнялась физическому воздействию на сам изображаемый предмет. И как в свое время церковная инквизиция защищала распадающееся средневековое мировоззрение, так бархатная инквизиция политкорректности защищает сложившуюся в последней четверти XX века левoliberalную/социал-демократическую систему, которая все более явно демонстрирует свою неадекватность.

⁷ Нельзя сказать, что тема эта в западной рефлексии вовсе отсутствовала. Но чаще всего она в шпенглеровском духе сводилась к унылой ностальгии по рыцарству и добуржуазному спиритуализму Средневековья.

Здесь, как и во многих других случаях, защищающая себя система безразлична к процессам глобального развития: ей важно продлить собственное существование. И то, что западный мир, оставаясь пока еще авангардом мировой цивилизации, занят прежде всего продлением своего status quo, полагая, что тем самым уберегает от потрясений также и весь остальной мир, — результат пагубного заблуждения. В этом коренится одно из ключевых противоречий современности: рецепты для решения общемировых проблем берутся исключительно из исторически и географически локальной поваренной книги левого, опять же в широком понимании, либерализма или релевантных ему воззрений. С названной выше проблемой органически связано и другое совершенно неразрешимое в рамках либерально-гуманистического дискурса противоречие: между провозглашаемыми принципами мультикультурализма и сохраняющимся де факто пониманием западной цивилизации как лидирующей и определяющей фарватер развития всего человечества. Дело здесь не только в провале «политики мультикультурализма», сквозь зубы признанном ведущими западными политиками, и не в том, что представители иных культур почему-то не захотели культурно ассимилироваться, как это предполагали левые «интеллектуалы». Дело в том, что культурное своеобразие — внешне выраженная квинтэссенция исторического опыта народа и его ментальности — это не экзотическое дополнение к пресловутым «общечеловеческим ценностям», якобы, всем близким и понятным. Иная культура — это, прежде всего, *иная система ценностей*. «Правильная» или «неправильная» — но в любом случае *иная!* Современный либерально-гуманистический дискурс не признает очевидного: устойчивая гармонизация отношений между культурами (прежде всего *своей и иной*) на основе принципа равенства (паритета) *невозможна в принципе*. Нивелировка гетерогенности, сглаживания противоречий и разности энергетических потенциалов ведет к росту энтропии не только в физических системах. То же происходит во всех системах, включая и социокультурные. А потому доктрины культурно-антропологического равенства, общечеловеческих ценностей, «погашения» ментальных различий, избегания любой ценой насильственного разрешения конфликтов — не просто старческая мягкотелость уставшей и впавшей в старческую сентиментальность западной цивилизации. Это код ее самоуничтожения, который может сработать и за ее пределами.

Корень проблемы в том, что гуманистическая философия постоянно смешивает два совершенно разных плана бытия: жизненный мир человека и системный мир культуры, явленный через общественные институты, традиции, нормы и иные надперсональные регулятивы. Гуманистическое сознание всякий раз переносит «человеческое, слишком человеческое» (Ницше) на культурно-исторический уровень, вмняя истории

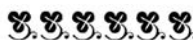
свои трижды условные моральные критерии, которым та, якобы, обязана соответствовать. Законы и отношения надчеловеческого мира социокультурных форм и отношений представляются простым *количественным* продолжением мира человеческого. И потому этот мир полагается подсудным гуманистической морали. А нестыковки — досадное обстоятельство, подлежащее устранению и в принципе не нарушающее однородности индивидуально-социального мира.

И хотя о дихотомии миров жизненного и системного уже немало написано в современной социальной философии (Н. Луман, Ю. Хабермас), последние выводы еще не сделаны. Разница между «системами отсчета» отдельного индивидуума и социума не количественная, а качественная. В них действуют совершенно разные законы, и прямые экстраполяции между ними невозможны. Но именно этим-то с упорством, достойным лучшего применения и занимается постоянно гуманистическое сознание.

Еще одна метанаррация, проистекающая из неспособности видеть *другого* как *действительно другого* — это отрицание принципа коллективной ответственности. Причина в том, что либеральный гуманизм отказывается видеть в любом субъекте что-либо иное кроме *личности*. Личностные качества и, соответственно, личностный статус со всеми присущими ему правами и свободами априорно вменяется всем без исключения. Но там, где нет личности, не может быть и персональной ответственности. Если субъект, неважно по каким причинам, увильивает от персонального нравственного выбора и действует как бессознательный агент коллективной воли, то тем самым он лишает себя права рассматриваться как субъект персональной ответственности. В общем случае, и эта еще одна моя крамольная мысль, носители до-морального сознания могут выступать лишь в качестве субъекта коллективной ответственности. Это не фашизм, не нацизм и прочие страшные «измы»! Это просто здравый смысл.

Итоговый вывод из всего сказанного таков: универсальное для истории противоречие между социальным и индивидуальным не может более разрешаться на основе либерального гуманизма с его метафизическим принципом универсальной морали. Последней в истории не существовало *никогда*. И не могло существовать, поскольку самонастройка любого социокультурного организма оберегает его внутреннюю гетерогенность от смертоносного выравнивания. Что же касается философско-религиозных доктрин универсальной морали, то их неявное предназначение — не воплощаться непосредственно, а косвенным образом воздействовать на общекультурный контекст. Впрочем, это тема для отдельного разговора.

Гуманистическое сознание пребывает в русле традиционной для логоцентрической культуры монистической парадигмы и априорно связывает истину с монистическими доктрина-

ми. Для него в любых противоречиях может существовать лишь *одна* истинно-справедливая позиция, а сами противоречия могут быть преодолены на основе *одного* всеобщего принципа. Но следование платиновой сентенции о том, что «Единство — благо, а множественность — зло» в последнее время обходится слишком дорого. Интеллектуальный контекст современности требует отказаться от монистических стереотипов: нужно не искать единственную истину, а вырабатывать релевантные критерии для *выбора позиции* в ситуации неустранимой множественности «систем отсчета». К примеру, не спорить о том, какая из двух позиций: социальная или индивидуальная является универсально-нормативной вообще и, главное, каким образом их можно непротиворечиво совместить, а обсуждать, на чем следует основываться, выбирая ту или иную из означенных позиций в *каждом* конкретном случае. Чем не задача для пост-постмодернистского интеллекта? Это куда важнее и интереснее, чем фрондировать и козырять болезненным недоверием к самоочевидным вещам.

Если же говорить совсем просто, то современный дискурс ставит вопрос не о том, как найти *одну истину*, а о том, как, не претендуя на универсальность, наилучшим образом выбрать из двух и более позиций. При этом критерий лучшего связывается не с близостью к абстрактно-универсальной норме, а с прагматизмом в самом точном смысле этого слова. Но постмодернизм, грозившийся покончить с метанаррациями, уже умер, а логоцентрический монизм все еще жив.

До сих пор мы говорили о проблемах Запада. Но они — не повод для злорадства: в России дела обстоят и того хуже. Здесь все еще не решены даже задачи буржуазно-демократической революции. Это значит: то, что на Западе переживает свой, скорее всего, финальный кризис, у нас еще толком не родилось, однако «пройти в обход», «обогнать, не догоняя» нам вряд ли удастся. Российское западничество гонит от себя эту мысль, но что от этого меняется? Русская система по самой своей сути социоцентрична, антиантропна, место личности в ней всегда было маргинальным. Сегодня она продолжает из последних сил блокировать развитие самостного и исторического сознания, не имеет никаких перспектив и совершенно беспомощна перед вызовами современности. Современный российский индивидуализм по своей природе не буржуазный, а варварский: он не сопрягается ни с трудовой этикой, ни с социальной ответственностью. Проблема российского этоса — бесконечное перетягивание каната между варварским индивидуализмом и нормативной для всех логоцентрических обществ парадигмой служения. Последняя сдувается на наших глазах, а некоторый аналог буржуазного индивидуализма формируется в европеизированных слоях больших городов. Быть может, этот отчаянно запаздывающий процесс все же сыграет свою роль, если состоится вторая историческая редакция проекта Модер-

нити на цивилизационной основе Восточной Европы? Будем надеяться, что ближайшее историческое будущее даст ответ и на этот вопрос.

Есть ли выход из сложившейся ситуации? Или, иными словами, может ли на обломках разрушающейся гуманистической традиции возникнуть что-то подобное постгуманизму? Теоретический ответ: да. Смерть метафизики и релятивизация сознания (не обязательно в духе «академического» постмодернизма) подводит фундамент под ключевой и на сегодняшний день крамольный тезис: люди разные! И потому новый гуманизм отказывается от доктрин универсальной морали, заменяя их принципом морального релятивизма. Это означает, что следует не вменять (или, тем более, навязывать) всем без исключения единый язык, а *говорить с каждым на его собственном языке*. Такой подход, разумеется, требует глубокой культурологической рефлексии, но, как явствует из исторического опыта, в случае острой необходимости человечество решает задачи и потруднее. Главное всерьез осознать необходимость. Такая трансформация ментальности позволила бы частично сохранить традиционные гуманистические ценности, но уже в более локальном и конкретном и потому эффективном формате. В ином случае они просто будут целиком отринуты современным западным сознанием с его сартровой тошнотой, опустошенностью и неверием во что-либо, кроме сиюминутных интересов. Незападным же сознанием эти ценности вообще никогда не были до конца поняты и приняты.

Если названный поворот в сознании произойдет, он будет означать переворот в философской, культурной и психологической антропологии, знаменующий похороны абстрактного «философского человека». Это, в свою очередь, означает, что мифологема культурно-антропологического равенства более не сможет сдерживать тенденции к складыванию новых страт и иерархий. Уверен, что будущее за меритократией, философией которой будет постгуманизм, основанный на дифференцированном подходе к носителям разных ментальных конституций. При этом речь не идет о каких-либо версиях мондиализма: меритократия — это власть достойнейших, а не случайно родившихся в богатых странах.

Другой из возможных путей выхода — синтез распадающейся традиции либерального гуманизма с этическими представлениями Востока. Так, в русле синтеза евро-атлантической и дальневосточной цивилизаций возможно, к примеру, преодолеть индивидуалистические крайности западного сознания за счет «прививки» модернизированной конфуцианской этики.

Впрочем, контуры постгуманизма можно представить и в совершенно иной плоскости. Речь идет о скачковом изменении ментальных характеристик у значительной части человечества. Обусловлено это может быть эволюционным движением от переходного (личностного) типа ментальности к ново-

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

му глобальному системному качеству. Описание этого рождающегося на наших глазах культурно-антропологического типа требует особого и подробного разговора. Замечу лишь, что его коренное отличие от всех иных типов в том, что ментальность представляет собой не просто относительно целостный «аппарат», включенный в сеть социальной системы и отпадающий от нее в силу своей разрастающейся самости, а уже *самостоятельную систему*. Развитие социальности как таковой отходит в фоновый режим и угасает. (В этом смысле прогнозы Ф. Фукуямы в некотором смысле справедливы.) На первый же план выходит *внутренняя ментально-культурная эволюция человека* как относительно автономной системы. И на острие развития при этом оказывается внутренняя согласованность ментальных подсистем человека, каждая из которых обладает своей особой культурно-смысловой конституцией (см. выше).

Это не очередная утопия на темы «духовного возрождения». Здесь речь идет не о возрождении чего-то имевшего место в прошлом, а о скачковом прорыве к новому качеству. Правда, контуры этого нового качества обычно не просматриваются из качества предшествующего: ведь в результате эволюционного скачка всегда рождается нечто совершенно неожиданное.

Однако новому гуманистическому сознанию придется решать ряд проблем, от которых в любом случае, не отвертеться. Это, прежде всего:

- формулирование новой концепции человеческого субъекта;
- выработка принципиально новых форм гармонизации социального и индивидуального;
- релятивизация и контекстуализация того, что до сих пор считалось универсальными культурно-антропологическими константами;
- разработка критериев стратификации культурно-исторических субъектов по их ментальной конституции;
- очистка новой антропологической доктрины от любых расистских и т.п. коннотаций;
- создание на ее основе новой достаточно гибкой и жизнеспособной релятивистской этики.

Все эти тесно переплетающиеся задачи невероятно сложны и требуют немалого интеллектуального мужества. Но в эпохи системных кризисов легких путей не бывает.